

LIETUVIŲ KALBOTYROS KLAUSIMAI XXXVII (1997)
LEKSIKOGRAFIJOS IR LEKSIKOLOGIJOS PROBLEMOS

Анатолий НЕПОКУПНЫЙ

**К ПРОБЛЕМЕ ДЕРИВАТОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ И
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ БАЛТИЙСКИХ И
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

0.1. Основной труд литовской лексикографии XX столетия – многотомный “Словарь литовского языка” является своеобразным перекрестком множества путей не только в филологии, но и шире – в истории и культуре Литвы в общеевропейском контексте. По этой причине вряд ли было бы корректным сразу же раскрывать тот или другой из его томов на той или иной странице, предварительно не бросив хотя бы беглого взгляда на ретроспективу того, как складывалась судьба этого тезауруса литовского языка. Сделать это представляется тем более необходимым, что вся первая половина столетия в истории фундаментального издания под названием “*Lietuvių kalbos žodynas*” была связана главным образом с именами двух его фундаторов и создателей – К. Буги и Ю. Бальчикониса.

Как нам представляется, материалы той дискуссии вокруг “Словаря литовского языка”, которая происходила в 1952–1953 гг., следует теперь перечитать заново, чтобы лучше понять те критерии, которыми руководствовались лексикографы второй половины нашего века, чтобы не искать в многотомнике того, что в нем не было предусмотрено. Так, в статье, написанной в 1953 г. и дополненной в 1957 г., Б.А.Ларин, с одной стороны, высоко оценивал наследие К.Буги [“следовало бы посвятить особую монографию... словарным работам К.Буги...” (Ларин, 1957: 138)], а с другой, постулировал отход от принципа историзма в литовском тезаурусе. Так, говоря о подготовке под его руководством новой инструкции, согласно которой “был переработан III том словаря”, ученый подвел следующий итог: “материалы из древнейших источников отодвинуты на второе место как средства создания в словаре исторического фона, ибо академический словарь со временем [здесь и ниже подчеркнуто в цитируемом тексте. – А.Н.] литовского языка не может быть построен как исторический, по простейшей хронологической схеме, – в нем на первом месте даны основные значения в употреблении слов в наше время, в современной художественной, политической, научной литературе и в речи образованных людей” (Там же: 143).

Что же касается противоположной стороны, принимавшей участие в дискуссии, то здесь обращает на себя внимание позиция Ю.Бальчикониса, который, во-первых, выступал против деления “на как будто нужные и ненужные слова”: “... если помещается какое-нибудь ненужное слово, от этого словарь много не пострадает. Слово может оказаться нужным”

(Balčikonis I 213) и, во-вторых, ссылаясь на то, что “вся лексикографическая работа не имеет установленных окончательных принципов” (Ibidem : 214), возражал против поспешной подготовки новой редакции коллективного труда: “Сейчас нам спешить с переделкой нашего словаря нет никакого смысла” (Ibidem: 215).

Тем не менее Ю.Бальчиконис вынужден был уйти из состава редколлегии “Словаря литовского языка”.

Таким образом, “Словарь литовского языка” подготовлен с ориентацией на современность с включением даже такого субъективного критерия как оценка нужности или ненужности слова. Это и следует учитывать при подходе к названному труду как источнику информации как по широким, так и более узким вопросам литовской лексикологии. В частности, сказанное относится и к проблеме дериватов.

0.2. Проблема идентификации дериватов как отдельных не только форм, но уже и слов, имеющих свое собственное новое значение, является весьма существенной для лексикографии. Ведь нередко в практике составления словарей возникает ситуация, когда уже фактически новое слово все еще рассматривается лишь как словообразовательный вариант известного обозначения того или иного предмета или явления. Так, например, в статье под словом knýgos помещена и форма knygelės из “Катехизиса” М.Мажвидаса (LKŽ VI 242). Вместе с тем, как нам удалось доказать, здесь речь идет о новом педагогическом термине knygelės со значением уже не ‘книжечка’, а ‘учебник’ (Perokupnas 1994: 76). Следовательно, приведенное слово заслуживает того, чтобы в дальнейших лексикографических трудах оно выступало в качестве самостоятельной единицы словарника.

“Словарь литовского языка” отчасти содержит в себе элементы как исторического, так и этимологического словарей. По этой причине некоторые его статьи с полной уверенностью можно поставить в один ряд с соответствующими разработками, содержащимися уже не в общих, а в специальных лексикографических трудах по балтийскому и славянскому языкознанию – в исторических и этимологических лексиконах.

Ниже вниманию исследователей предлагаются два этюда, где в роли исходного выступает материал, взятый из “Словаря литовского языка”. Если в первом из них рассматриваются дериваты, образованные с помощью общего германо-балто-славянского суффикса от балто-германского и славянского названия ребенка, то во втором анализируется случай параллельного семантического словоизводства – переход балтийского и балто-славянского названия возвышенного рельефа в сферу метеорологической терминологии.

1.0. Если попытаться кратко определить одну из ведущих категорий, словообразовательное выражение которой является, так сказать, “профилирующим” в терминологии родства, то это будет категория посессивности (принадлежности, притяжательности), что связано с происхождением обозначаемого. Как писал О. Н. Трубачев, “развитие значения отъе в славянском ‘отцов’>‘отец’ – пример встречающейся деэтимологизации производных с суффиксом принадлежности; при этом производное снова принимает значение непроизводной основы – ‘отец’.

Ср. нем. Mensch ‘человек’ <др.-в.-нем. mennisco ‘der von Mannus Stammende’ с суффиксом – isco “(Трубачев 1959: 26).

Пример с нем. Mensch (со ссылкой на труд: F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2. Aufl. Halle, 1899, S.10) является для нас в данном случае особенно важным, поскольку с тем же самым суффиксом – isco выступают не только германские, но также балтийские и славянские производные образования от названия ребенка, о которых далее идет речь.

1.1. В специальной студии “Семантика лит. bérnas : лтш. bērns и их производных” Р.Бертулис убедительно показал, что первичное значение указанной восточнобалтийской лексемы ‘ребенок; дитя’ продолжает сохраняться только в современном латышском литературном языке, тогда как в литовском обнаруживает целую цепочку семантических переходов, реконструируемую как ‘ребенок’ → ‘мальчик’ → ‘парень’ → ‘батрак’, а также ‘мужчина’ (Bertulis 1972: 32). Таким образом, если бы “Словарь литовского языка” как словарь тезаурусного типа представлял значения слова в порядке их исторического развития, то зафиксированное только в памятниках и в говоре Пляясы ‘ребенок, дитя’ должно было бы стоять не на втором (LKŽ I₂ 767), а на первом месте.

Говоря о производных, Р.Бертулис обратил внимание, в частности, на то, что сохраняющий в себе первоначальное значение исходного слова дериват *berniškė* ‘детство, юность’ (*Ibidem*: 770) встречается только в древних памятниках (Bertulis 1972: 21), уточним – лишь в “Постилье” М. Даукши, где эта форма отмечена трижды. И здесь мы бы хотели указать на научную значимость представления в “Словаре” этого производного образования для сравнительно-исторического языкознания.

Дело в том, что памятники готского языка сохранили в себе не только существительное *barn* (сред.р.) в единственном значении ‘дитя’, а также образованное от него прилагательное *barnisks* ‘детский’, но и дериват от последнего *barniski* (сред. р.) ‘детство’ (Wright 1910/1981: 170,178,310). Так, во “Втором послании св.апостола Павла к Тимофею” (глава III, стих 15) находим: *jah fatei us barniskja weihōs bōkōs kūnphēs ...* (*Ibidem*: 290), т.е. “И ты с детства Священное Писание знаешь” ...

Следовательно, между готским переводчиком Библии епископом Ульфилой (ок.311 – ок.383 гг.), с одной стороны, и литовским переводчиком “Постилы” (1599 г.) каноником М. Даукшей – с другой, проходит общая гото-литовская лексико-словообразовательная параллель: гот. *barniski* (сред.р.) ‘детство’ – лит. *berniškė* (жен.р.) ‘то же’.

Приведенный пример, свидетельствуя о значительной научной ценности дериватов, содержащихся в “Словаре литовского языка”, вместе с тем убеждает в том, что в будущем этимологическом словаре литовского языка, по-видимому, уже было бы недостаточно ограничиваться только краткой статьей об исходном *bērnas* (ср. Fraenkel 1962: 40).

1.2. В “Лаврентьевской летописи” – копии летописного свода 1305 г., составленной в 1377 г., – под 945 г. встречается запись: *Вольга же бяше в Киевъ с с[ы]н[ом]ъ своимъ съ дѣтскомъ С[вя]тославом* (55), которую составители исторического словаря русского языка приводят в качестве

илюстрации в статье под словом *дѣтский* (прилагательное со значением ‘малолетний, детского возраста’) (СлРЯ XI–XVII вв. IV 239). Однако очевидно, что в данном случае речь идет не о прилагательном *дѣтский*, а о производном от него, но уже существительном *дѣтьско* (среднего рода) ‘дитя, ребенок’, которому в цитируемом словаре необходимо было посвятить отдельную статью.

Эта же самая ошибка повторяется и в исследовании по исторической лексикологии украинского языка. Так, среди “названий, касающихся человека, его возрастных особенностей” выделена форма “*дѣтьськъ* (субстантивированное прилагательное) <*děťskъ* ‘дитя’”, что проиллюстрировано примером из Галицко-Волынской летописи под 1206 г.: *король же Андрѣй... хотѧше дати дѣльщерь свою за кнѧзѧ Данила обѣ́-има дѣтьскома бывшина* (ГУМ ЛФ 31). Однако форму дательного-творительного падежей двойственного числа на *-ома* (ср. *дѣтьскома*) имеют имена существительные не только мужского, но и среднего рода. Вот почему вместо предложенного автором разработки несуществующего варианта лексемы *дѣтьськъ* следует реконструировать форму среднего рода *дѣтьско* ‘дитя’. Что же касается семантической адекватности такого обозначения, то напомним, что князю Даниилу Галицкому (1201–1264) на 1206 год (время записи в летописи) было всего пять лет.

Итак, на основании двух летописных записей: 1) под 945 г. – о киевском князе Святославе (?–972) и 2) под 1206 г. – о галицко-волынском князе Данииле для истории украинского языка восстанавливается слово *дѣтьско* как одно из названий ребенка.

С позиций этой реконструкции следует взглянуть на место соответствующего деривата в обоих словарях праславянского языка, параллельно выходящих в России и Польше. Так, если в первом из них формы типа *польск.* *dziecko* ‘дитя’ рассматриваются в общей статье под словом *děťskъ(j)* (ЭССЯ V 17), то во втором субстантивированная форма прилагательного среднего рода *děťsko* с пометой о его западнославянском характере выделена в отдельную статью (SP III 174–175).

Полученные нами материалы подтверждают целесообразность особой разработки обсуждаемого деривата. Вместе с тем уже и сейчас необходимо отказаться от определения этого образования как западнославянского по своему распространению. Помимо уже приведенных нами новых фактов ср. также фиксацию искомой формы в южнославянском ареале. Так, например, в словенском языке известно экспрессивное слово *déčko* (в частности, так говорят о крепком парне), отмеченное (*dezhko*) около 1800 г. (Bezlaj 1977: 98).

Таким образом, как по хронологии, так и по географии своей фиксации дериват *děťsko* ‘дитя’ несомненно относится к образованиям праславянского периода и в этом качестве должен найти свое место в будущих дополнениях к словарю праславянского языка.

2.0. Сложность адекватного представления в “Словаре литовского языка” как исторической, так и диалектной лексики заключается в том, что нередко в этой части лексического фонда встречаются такие формы слов, а также их значения, которые еще не имеют за собой сколько-нибудь сложившейся традиции не только лексикографической, но даже и лексикологической

интерпретации. Сказанное относится, в частности, и к той части производных образований, в которых деривация осуществляется без изменения структурной формы слова – исключительно на семантическом уровне, когда перед лексикографом возникает необходимость определиться – с чем он имеет дело: так сказать, с “разовым” отклонением от широко известного старого значения или же с новым значением? В данном случае речь пойдет о семантической деривации, наблюданной в одном из литовских названий возвышенности (*gaubrýs*, *gùbrys* и под.), материал к которому – в основном значении – представлен в “комментарии” № 80 к “Атласу литовского языка” (LKA I 180).

2.1. В статье под словом *gūburas* (*gùburas*) в “Словаре литовского языка” упоминаются только два диалектных источника – говоры Ленас и Дусято: первый при указании на значение ‘*kauburys*, *kupstas*, *kelmas*, *kalva*’ (т.е. соответственно ‘бугор, кочка, пень, холм’), второй при паспортизации иллюстрации – *Šiandiej ant dangaus daug guburų (panašių į kelmus debesų)* – *reikia bul'vos sodint – gerai augs* (LKŽ III 691), т. е. ‘Сегодня на небе много “бугров” (похожих на пни облаков) – надо картофель садить – хорошо будет расти’.

В цитируемой статье обращает на себя внимание то, что ее составитель (или редактор) среди четырех возможных вариантов интерпретации диалектного примера избрал сходство с пнями.

Вместе с тем показательно, что в том же говоре Дусято отмечено и прилагательное *guburúotas*: *Šiandiej guburúotas dangus, gera sēmenija* (LKŽ III 692), т. е. ‘Сегодня (переведем как) “бугристое” небо, хорошее время для сева’. И в том, что такой адъектив не является чем-то случайным, красноречиво свидетельствуют еще три примера из литовской печати до 1940 г.:

1) *gauburiuotas*: *Du žalsvi garlaiviai nuplaukė į šiaurę, kur renkasi gauburiuoti debesys* (LKŽ III 161);

2) *gūbriuotas*: *Padange šliaužiojo sunkūs, gūbriuoti debesys* (LKŽ III 690);

3) *guburiúotas*: *Tolumoje juodoja guburiuoti debesys* (LKŽ III 692), т. е. 1) ‘Два зеленоватых парохода отплыли на север, где собираются “бугристые” облака’; 2) ‘По небу ползли тяжелые “бугристые” облака’; 3) ‘Вдали чернеют “бугристые” облака’.

Во всех приведенных выше иллюстративных примерах мы избрали для своего буквального перевода сходство облаков не с пнем, как предложено в “Словаре литовского языка”, а с бугром, к чему обязывает ближайшая славянская перспектива.

2.2. Опубликованные статьи обоих праславянских словарей о восточнославянском регионализме – названии возвышенности *bugdъ* (SP I 436; ЭССЯ III 79) к настоящему времени уже могут быть дополнены новыми материалами.

Так, с балтийской стороны здесь представляется весьма ценным свидетельством лит. *bugurýs* ‘*mažas pakilimas*’, т. е. ‘небольшое возвышение’, зафиксированное в д. Мауручай Приенайского р-на собирателями материалов для “Атласа литовского языка” (LKA I 180): до сих пор балтийское соответствие было известно только в латышском языке.

Что же касается новых свидетельств диалектологии уже с собственно славянской стороны, то они оказываются не менее важными и для интерпретации параллелей из той же лексико-семантической группы балтийского словаря.

Так, в своих “Дополнениях к лексическим материалам” упомянутого словаря российских этимологов А.Ф.Журавлев привел, в частности, не учтенные раньше свидетельства белорусской диалектной лексикографии: *бутры́* ‘кучевые облака’ и *уменышь*, *бутарбóк* ‘тучка’ (Журавлев 1990 : I, 36). Первый пример (множественное число; метеорологический термин) записан в д.Охремовцы Браславского р-на Витебской обл.: *Як вясной бутрамі неба – садзіць гуркі трэба* (СБГПЗБ I 232), т.е. ‘Как весной буграми небо – садить огурцы нужно’. Вторая фиксация относится к Лоевскому р-ну Гомельской обл. (Я н к о в а Т. С. *Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны*, Мінск, 1982, 58; приводится по тексту публикации А.Ф.Журавлева).

Таким образом, *бутарбóк* ‘тучка’ и *бутры́* ‘кучевые облака’ отмечены на диаметрально противоположных окраинах Белоруссии, причем Браславский р-н даже граничит с Заарайским р-ном Литвы, на территории которого (Дусятося) и было зарегистрировано *Šiandieji ant dangaus daug gubigų ...* (см. выше), т.е. – переводя уже на диалектном уровне – ‘Сегодня на небе много бугров’.

2.1–2. Оба термина возвышенного рельефа – лит. *gùburas* и белор. *бутóр*, имея одну и ту же семантико-словообразовательную структуру (в обоих случаях: балто-славянский корень со значением ‘гнуть, сгибать’ + суффикс *-uras/-ъгъ* = ‘возвышение’) обнаруживают одно и то же направление дальнейшей семантической деривации ‘возвышение’ → ‘облако’ как образ облачного неба через призму восприятия рельефа земной поверхности. Понятно, в этой связи не лишним будет вспомнить и начальную строку стихотворения А.С.Пушкина “Редеет облаков летучая гряда...”.

2.3. Ввиду установления белорусско-литовской изоглоссы (*бутор* / *gùburas*) ‘возвышение’ → ‘облако’ представляется целесообразным вернуться к одному из тезисов авторов фундаментального труда “Индоевропейский язык и индоевропейцы”, которые утверждают, что “сочетание значений ‘горы’ и ‘облака’, ‘тучи’ в одном слове... отражает реальную картину ландшафта древних индоевропейцев: у вершин ‘высоких гор’ собираются ‘тучи’, чем и можно объяснить семантическую связь этих значений, прослеживаемую в древних индоевропейских традициях” (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 667–668).

Вместе с тем осуществление семантической деривации (перехода) ‘возвышение’ → ‘облако’ в условиях Восточноевропейской равнины (ареал литовского и белорусского языков) в данном случае может выступать в качестве контраргумента в дискуссии о гористом характере прародины индоевропейцев. Ср. точку зрения американского компаративиста В.П.Лемана, который, оценивая цитируемый выше труд, отметил, что “нельзя согласиться со всеми их (т.е. Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова. – *A.H.*) выводами, особенно относительно прародины индоевропейцев... области, лежащие к северу от Черного и Каспийского морей, представляются более вероятными в качестве локализации прародины, поскольку в таком случае легче объяснить последовательные этапы развития праязыка...” (Леман

1991: 24–25).

1–2. Идентификация дериватов – как на словообразовательном, так и на чисто семантическом уровнях – является одной из важнейших задач современной балтийской и славянской лексикографии. От тщательности подхода при определении связи между исходным образованием, с одной стороны, и дериватом от него – с другой, зависит корректность представления той или иной производной формы не только в современном языке.

Как учит опыт обращения к историческим и этимологическим словарям балтийских и славянских языков, они отчасти требуют нового прочтения, поскольку вследствие неточной или даже ошибочной трактовки содержащихся в них дериватов иногда случается даже так, что весьма важные свидетельства, имеющие определенное значение не только для того или иного частного языкоznания, но и для индоевропеистики в целом, оказываются “заблокированными” от исследователя.

Благодаря созданию многотомного “Словаря литовского языка” лексическая база будущего “нового Френкеля” станет неизмеримо богаче по сравнению с той, какой располагал автор труда под названием “Litauisches etymologisches Wörterbuch”. Кроме того, не исключено, что изменится и позиция составителей “Этимологического словаря литовского языка”, когда, к примеру, информация о дериватах от глагола *gaūbt*, в частности, будет содержаться не только в статье о последнем, но хотя бы отчасти будет рассредоточена в соответствующих разработках под производными от него словами.

ЛИТЕРАТУРА

- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. Я. В. с. 1984: *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*, Тбилиси: Издательство Тбилисского университета.
- Журавлев А. Ф. 1990: *К уточнению представлений о славянских изоглоссах. Дополнения к лексическим материалам “Этимологического словаря славянских языков”* 1, Москва: Институт русского языка.
- ІУМ ЛФ 1983: *Історія української мови. Лексика і фразеологія*, Київ: Наукова думка.
- Ларин Б. А. 1957: Краткий исторический обзор литовской лексикографии. – *Лексикографический сборник* 2, Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 119–144.
- Леман В. П. 1991: Новое в индоевропеистических исследованиях. – *Вопросы языкоznания* 5, Москва: Наука, 5–26.
- СБГПЗБ I – *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходній Беларусі і яе пагранічча* 1, Мінск: Навука і тэхніка, 1979.
- СлРЯ XI–XVII вв. IV – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 4, Москва: Наука, 1977.
- Трубачев О. Н. 1959: *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*, Москва: Издательство Академии Наук СССР.
- ЭССЯ III, V – *Этимологический словарь славянских языков*. Праславянский лексический фонд 3.5, Москва: Наука, 1976, 1978.
- Balčikonis J. I.: [Выступление на лексикологической, лексикографической и терминологической конференции 24 IV 1952 г.]. – Balčikonis J. *Rinktiniai raštai* 1, Vilnius: Mokslas, 1978, 212–216.
- Bertulis R. 1972: Liet. *bērnas*: latv. *bērns* un tā atvasinājumu semantika. – *Baltistica I priedas*, 17 – 32.
- Bezlaž F. 1977: *Etimološki slovar slovenskega jezika* 1, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.

- Fraenkel E. 1962: *Litauisches etymologisches Wörterbuch* 1, Heidelberg: Universitätsverlag.
- LKA I – *Lietuvių kalbos atlasas* 1, Leksika, Vilnius: Mokslas, 1977.
- LKŽ I₂ – *Lietuvių kalbos žodynas* 1, Vilnius: Mintis, 1968.
- LKŽ III, VI – *Lietuvių kalbos žodynas* 3,6, Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1956, 1962.
- Nepokupnas A. 1994: M.Mažvydo "Katekizmo" bylojančio vadovėlio (knygelių) vaizdas istorijos ir kultūros kontekste. – *Protestantizmas Lietuvoje: istorija ir dabartis*, Vilnius: Apyaušris, 70–77.
- SP I, III – *Słownik prasłowiański* 1,3, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974, 1979.
- Wright J. 1910/1981: *Grammar of the Gothic language*, Oxford: At the University Press.

DĖL VEDINIŲ ISTORINUOSE BEI ETIMOLOGINUOSE BALTŲ IR SLAVŲ KALBŲ ŽODYNUOSE

Santrauka

Pagrindinis XX a. lietuvių leksikografijos darbas – "Lietuvių kalbos žodynas" turi ir istorinio, ir etimologinio žodyno elementų. Norint nustatyti, kiek jis laikytinas lietuvių kalbos tezauru, būtina įsigilinti į 1952–1953 m. vykusios leksikografinės diskusijos priežastis ir padarinius, kai K. Būgos ir J. Balčikonio žodyno darbo kryptis buvo pakeista ir istorinę medžiagą imta pateikti "kaip foną".

Etimologinis leksikografinio pateikimo principas, kuriuo remiantis įvairios formos nurodomos į vieną pagrindinę formą, ne visuomet tinkta. Mat vediniai neretai tampa savarankiškais žodžiais, turinčiais kitą reikšmę.

Dėl šių procesų neįvertinimo lietuvių kalbos ir pedagogikos istorijoje nebuvo žinomas jau M. Mažvydo "Katekizme" vartotas terminas *knygelės 'vadovėlis'*. Ukrainiečių kalbos istorijoje neatsižvelgta į vaiko pavadinimą *ΔΞΤΥСКО*, užfiksuotą 945 m. ir 1206 m. metraščiuose.

Būsimajame "Etimologiniame lietuvių kalbos žodyne" reikia daugiau dėmesio skirti išvestiniams žodžiams: M. Daukšos "Postilėje" randamas liet. *berniškė* turi tikslų gotų kalbos atitikmenį *barniški* 'vaikystė'.

Lietuvių kalbos tarmių *gùburas* ir baltarusių tarmių *бугор* yra semantinės derivacijos 'kalva' → 'debesis' pavyzdys. Geografijos sąvoką reiškiantis žodis imamas vartoti meteorologijos sąvokai reikštį. Būtent šiuo semantiniu ryšiu remiamasi įrodinéjant, kad indoeuropiečių protévné buvo kalnuotoje vietovėje. Tačiau tai, kad lietuvių ir baltarusių izoglosa atsirado Rytų Europos lygumoje, galima laikyti kontrargumentu diskutuojant šiuo klausimu.

Formos ir semantikos vediniai problemos tyrimas istoriniuose bei etimologiniuose baltų ir slavų kalbų žodynuose yra labai svarbus. Jis suteikia daugiau galimybų įsigilinti ne tik į tam tikrų kalbų ar jų grupių, bet ir į indoeuropiečių kalbų šeimos žodžių išteklius.

ZU DEN ABLEITUNGEN IN DEN HISTORISCHEN UND ETYMOLOGISCHEN WÖRTERBÜCHERN DER BALTISCHEN UND SLAWISCHEN SPRACHEN

Zusammenfassung

Eine grundlegende Arbeit der litauischen Lexikographie im 20. Jh. ist "Lietuvių kalbos žodynas" ("Wörterbuch der litauischen Sprache"), das sowohl historische als auch etymologische enthält. Um festzustellen, in wiefern es als Thesaurus des Litauischen betrachtet werden kann,

ist von Belang, auf die Gründe und Folgen der 1952/53 stattgefundenen lexikographischen Diskussion einzugehen, die dazu führte, daß die von K. Büga und J. Balčikonis in der Arbeit am Wörterbuch eingeschlagene Richtung geändert wurde und der historische Stoff nur als Hintergrund dargelegt wurde.

Das etymologische Prinzip, das der lexikographischen Darstellung zugrunde liegen sollte und nach welchem verschiedene Formen aus einer Grundform abzuleiten sind, erwies sich nicht in allen Fällen als passend. Die Ableitungen verwandeln sich häufig in selbständige Wörter mit einer neuen Bedeutung.

Da diese Wandlungsprozesse in der Geschichte der litauischen Sprache und Pädagogik nicht berücksichtigt wurden, blieb auch der im „Katechismus“ von Mažvydas gebrauchte Terminus *knygelės* in der Bedeutung ‘Lehrbuch’ unbekannt. In der Geschichte der ukrainischen Sprache wurde auch die Bezeichnung für das Kind *дътъско*, die 945 und darauf 1206 in den Chroniken vorliegt, nicht in Betracht gezogen.

In dem künftigen “Etymologischen Wörterbuch der litauischen Sprache” sind Ableitungen gründlicher zu untersuchen: so entspricht die in der “Postille” von M. Daukša vorhandene Ableitung lit. *berniškė* genau dem got. *barniski* ‘Kindheit’.

Das in den litauischen Dialekt vorliegende *gùburas* und in den weißrussischen *бугор* ist ein Beispiel der semantischen Derivation ‘Hügel’ → ‘Wolke’. Das einen geographischen Begriff bezeichnende Wort beginnt man für die Benennung eines meteorologischen Begriffs zu gebrauchen. Auf dieser semantischen Beziehung gründen die Beweise, daß die Urheimat der Indoeuropäer in einem bergigen Gebiet lag. Dach die Tatsache, daß die litauischen und weißrussischen Isoglossen auf der Osteuropäischen Ebene entstanden sind, wird als Gegenbeweis während Diskussionen verwendet. Das Problem der Ableitungen ihrer Form und Semantik nach verdient große Aufmerksamkeit in den für etymologische Wörterbücher der baltischen und slawischen Sprachen bestimmten Untersuchungen. Diese letzteren geben größere Möglichkeiten, sich nicht allein in den Wortschatz gewisser Sprachen bzw. Sprachgruppen zu vertiefen, sondern auch in den der indoeuropäischen Sprachfamilie.